

Я не могу позволить страху поглотить меня. Утопить меня. Океан такой большой, такой полный жизни, но я не утону в нем. Я умею плавать. Теперь я научился плавать.

Сара Вульф, современная писательница, случайная уместная цитата из Интернета.

Но как ты будешь дышать на дне?

Феликс Айзек Фишер, всё тот же неудачливый рыбак, случайное неуместное дополнение цитаты из Интернета.

Лишь углубляясь в вопрос, можно понять, насколько же этот город был странным. Проживание в пугающе спокойном, лишённом любой нематериальной живности дождливом городе подсознательно приучило меня к тому, что не наткаться на проблески сверхъестественного — это нормально, и это грубая ошибка. Земля уже давно перешла тот этап, когда спокойствие было чем-то нормальным. В том или ином виде твари были везде, они просто скрывались в местах, куда не могли дотянуться простые люди, и то — далеко не всегда.

Сейчас, как и в случае с Немое, спокойствие лишь указывало на то, что поблизости обитало нечто такое, что либо отпугивало любую живность, либо избавлялось от неё, либо у этой живности в принципе не было возможности проникнуть «внутри».

И чем больше я наблюдал за театром абсурда, скрывающимся за пугающей «нормальностью» и «обычностью» происходящего, погружаясь в подноготную ситуации, тем больше убеждался именно в третьем варианте.

Над альтер «я» издевались. Карикатурные школьницы постарше поймали девочку на пути к её шкафчику, прямо у всех на глазах прижав к стене. Ни дети, ни проходящие мимо учителя совершенно не обращали на происходящее внимание, своим безразличием погружая девочку лишь в большую тоску. Такую привычную, обыденную.

«Какие страшные! — воскликнул в ужасе Пит. — Это уже даже не женщины, какой ужас! Мистер Фишер, нам нужно обязательно защитить вашу женскую версию от них! Я могу всё организовать, только дайте разрешение!»

Я тебе могу дать разве что разрешение пойти нахер, приятель.

«Но Мистер Фи...»

Кошмар закричал, спрятавшись где-то в глубинах моего разума.

Другой моей вариации пришлось устроить Питу пытку, пока он не понял, что был неправ. Как показывает практика, против подобных уродов даже самые страшные пытки не то чтобы слишком эффективны, но прекращать я их, естественно, не буду. Мне всё ещё нужно было как-то нормально расслабляться и отдыхать душой. Влиять же на их разум мне дополнительно не хотелось. Твари своей непослушностью держали меня в тонусе.

Но, честно говоря, я даже понимал Пита: поймавшие в коридоре Эмму девчонки действительно были страшными. Карикатурно страшными. Поверить не могу, что ещё совсем недавно считал окружение другой версии себя полностью «нормальным». Одна жирная, с такой рожей, будто была мутировавшей в подобие человека жабой. Вторая — болезненно-худющая, грязная, с взглядом малолетки, что по пути со школы топит в канализации котят. Третья, очевидно, самая главная, на первый взгляд выглядела обычной, но при этом создавала такое впечатление, будто становилось жертвой (судя по всему, добровольного) насилия чаще, чем посещала занятия, параллельно покуривая траву: ультра-короткая юбка, жёлтые зубы, все ноги и руки были в каких-то странных ссадинах и синяках. Круги под глазами были настолько чёрными, что мне сперва показалось, будто это грим.

В обычном случае эту троицу взяли бы за гриву моментально. Никто не стал бы закрывать на такое глаза. Тем более — когда подобные карикатурные суки лезли прилюдно к кому-то нормальному. Но...

В кошмаре наяву, персональном Аду, может происходить и не такое.

Я задумчиво потёр подбородок, отмечая, что никакой щетины на мне и в помине не было, что, кажется, было даже немного странно. Наверное. И не вспомню уже, когда был настоящим подростком.

— Очередная куколка, Уивер? Такая страшная! Прямо как ты, очкастая! Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха!

Поморщился не только я, но и кривое зеркало. Жаба заговорила низким, отвратительным голосом древнего демона. Её подруги (видимо, по генетическому несчастью) поддерживали её, засмеявшись так, будто они же её в жабу, никак, чернейшим колдовством и превратили.

— Могла придумать более умное сравнение? — негромко пробормотала скривившаяся Эмма. — Святая Мария, Берта, почисти наконец зубы, прошу...

Истинные порождения самой что ни на есть настоящей Бездны мигом перестали смеяться. Лицо жирной так перекосило, что мне показалось, будто я попал в бодихоррор. С другой стороны, некоторые его элементы в этом кошмаре, определённо, были.

— Что ты там сказала?! — зарычала-завизжала Берта.

Что было дальше уточнять не нужно.

Прямо на глазах у словно неживой толпы альтер «меня» избили. Избили так, как могут избивать только настоящие женщины: подло, грязно, болезненно, по-настоящему жестоко. С использованием ногтей, с выдергиванием волос, с попытками укусить и буквально расцарапать лицо. Это был настоящий абсурд, бред. Ладно бы где-то в какой-то подворотне, но...

Я видел десятки мимо проходящих людей, которые, словно в страшном сне, не замечали происходящего. Просто игнорировали. Сама Эмма игнорировала, с пустым взглядом принимая все побои. Она не испытывала от этого никаких эмоций и уже просто привычно принимала свою участь.

Вновь повторяюсь: обыденность, пугающая нормальность, нечто, что каким-то образом абсолютно не выбивается из общего вида, если ты только не присмотришься и не попытаешься в полной мере осознать, что происходит.

Малышка Эмма проявила настоящие эмоции лишь раз — когда взяли её куклу. Маленькая шлюха с жёлтыми зубами, широко улыбаясь, прямо на глазах своей жертвы кинула куклу на пол и начала её топтать, мерзко хихикая при этом. Её (её?) подружки не отставали, буквально смакуя ситуацию.

Вдоволь насладившись происходящим, чудовища оставили лежавшую у стены Эмму, напоследок бросив:

— Увидимся завтра, сучка.

И я знал, что завтра они действительно увидятся. Как и послезавтра. Как и после-послезавтра. Как и всегда. До тех пор, пока не произойдёт очередной слом. Чтобы потом всё опять повторилось.

— Хреновая же ситуация...

Эмма, услышав потусторонний голос, заметно вздрогнула и оживилась. Взгляд девчонки мигом наполнился привычной жизнью, она поднялась, начав, морщась от боли и проговаривая какие-

то ругательства себе под нос, собирать вещи, складывая их в рюкзак со стилизованным кошачьим мордочкой. Театр абсурда отходил на второй план, возвращая всё на круги своя.

И вновь — это не фигура речи.

Чем больше времени проходило — тем меньше она выглядела как жертва прилюдного избиения. Эффект был не только психологическим, но и вполне себе физическим: волосы восстанавливались, возвращая кривому зеркалу привычную причёску, одежда разглаживалась, исчезала кровь, синяки. С каждой поднятой книгой она всё меньше и меньше напоминала жертву ненормальных издевательств, всё больше становясь похожей на самую что ни на есть обычную девочку, идущую с уроков.

Учится чуть лучше среднего, есть подруги, засматривается на парней постарше, имеет мечты и надежды на будущее. Ад для неё словно бы... проходил на фоне. Во всяком случае, почти.

— Опять переделывать... — пробормотала печально Эмма.

Единственное, что выбивалось из общего вида, делало её действительно той, чем она была на самом деле, была кукловод. В отличие от всех остальных вещей, она оставалась повреждённой. И Эмма видела это. Знала, что её опять нужно было чинить. Опять перешивать, опять искать нужные материалы. Возможно, из-за плохого зрения она опять уколет иглой палец, и ей будет больно-больно.

Снова и снова, снова и снова, снова и снова...

Сжав кукловодку в руках, альтер «я» негромко захихикала. Негромко, но оттого не менее истерично, безумно, как больная сучка. Она не понимала, что её беспокоит, что подтачивает психику, что мешает в полной мере осознавать Ад, в который она попала, и осознание невозможности осознать разрывало её на части.

Эмма смеялась где-то с минуту, пока резко не успокоилась и, собрав вещи, отправилась как ни в чём не бывало к своему шкафчику, уже зная, что от него будет пахнуть тухлыми яйцами.

Я проводил взглядом неудачницу.

— Какой твари она насолила?..

Очевидно, эта «я» попала в руки чему-то, что успело поймать её в свои лапы быстрее, чем она умерла. И что-то это было не похоже на тварей океана: слишком уж я хорошо знал почерк себе подобных. Буквально чувствовал. Значит, нечто другое. Знающее про бессмертное метафизическое сознание.

Осознаёт ли тварь, что не сможет «нас» вечно сдерживать?

Я уже думал последовать за Эммой дальше, но остановился, буквально затылком почувствовав, как на меня смотрят. Это было что-то вроде толчка на краю сознания. Несильного, и всё же довольно ощутимого. Все мои вариации одновременно повернули голову, увидев среди идущих куда-то школьников человеческую фигуру.

Бесцветную, в чёрной одежде и такой же чёрной маске, поглощающей свет. Существо напротив не было человеком — я чувствовал, буквально видел это. Передо мной была сущность, один факт существования которой уже мог свести нормального человека с ума. Я видел в тени этого создания что-то огромное, неописуемое человеческим языком, живое и одновременно мёртвое.

Но... я оставался полностью спокойным. Кажется, этот факт немного удивил даже меня самого. Не могу сказать, почему. Может, из-за того, что эта тварь не принадлежала океану? Может, из-за незримого следа Немое? Или из-за друзей? Они не станут игнорировать эту тварь: альтер «я» они игнорировали, оставляя наши разборки на нас самих, чего нельзя сказать про это существо. Оно даже не принадлежало океану. Более того, я даже чувствовал какое-то подсознательное неприятие к себе, твари из океана. Оно подсознательно отталкивало меня, не желало в себя принимать концепцию желаний. Понимало, что это путь в один конец.

В каком-то смысле, прямиком в Бездну.

Я улыбнулся. Без какого-либо следа безумия. Искренне, понимающе.

Или, возможно, я не испугался потому, что сам начал осознавать, насколько опасной тварью стал? Или, правильнее сказать, был, есть, буду и не буду. В древе реальности время — слишком обманчивое понятие.

И эта тварь легко доказала это.

— Кто ты?

Мой голос, лишённый и намёка на человечность, распространился по окружающему пространству. Я скрывался среди красок реальности, каждое моё движение, каждый звук, который я издавал, создавал колебания, волны. За мной следовал океан, моя покорёженная душа его воплощала, всё приближая миг, когда моё тело окончательно погрузиться вглубь.

Стоило сущности услышать мой голос, как мир вокруг нас начал терять любой оттенок. Идущие по своим делам школьники стали замедляться, их голоса превратились в монотонный гул, пока не наступила полная, глубокая, гнетущая тишина. Время остановилось.

Сущность удивительно громким, но вместе с этим медленным шагом направилась ко мне, и чем ближе она приближалась — тем лучше я видел, что было передо мной. Нечто многообразное, затрагивающее бесчисленные планы бытия, уже такое привычное и понятное. Что-то, что я видел перед собой в последнее время так часто, что просто перестал удивляться.

Образ бесконечного неизведанного космоса перед глазами становился всё ярче и ярче.

Оно остановилось прямо напротив, сквозь чёрную маску уставившись на меня. Наученный ведущими, я даже не пытался разобрать эмоции и мысли сущности, лишь отдалённо понимая, что оно не желало мне вреда в полном понимании этого смысла.

Нет, в каком-то смысле, я был уверен, что даже нравлюсь этой твари. В каком-то очень отдалённом смысле. Возможно, потому, что само моё существование несло хаос и разрушение? Забавно. Стоило мне только выбраться из формальной зоны влияния уже знакомого Тёмного Бога, дорогого Немое, как на моём пути стали встречаться ублюдки один страшнее другого.

Мы смотрели друг на друга какое-то время, изучая.

И пусть я понимал, что передо мной было нечто безумно опасное, до Второй Луны оно явно не дотягивало. Как минимум, своей пассивностью. Впрочем, какая уже, нахрен, разница?

Встреча с торчком ясно мне показала, что по-настоящему, больше, чем кого и что-либо ещё, я боюсь лишь себя. Художник действительно был нарциссом: его миром был он сам. Любил и ненавидел, боялся и не боялся больше всего он именно себя. Ставил во всех вопросах «себя» выше, чем кого-либо ещё. Тяжелее найти более жалкого неудачника, получившего буквально безграничное могущество.

«Мистер Фишер, в последнее время мне кажется, что вы мне не доплачиваете», — недовольно зашевелился на моём теле Редди.

Кажется, даже он начал привыкать к ситуациям, в которые со мной попадал.

Я тебе вообще не плачу.

«В этом даже не главная проблема, босс...»

«...»

«...»

Ну хотя бы Шеди и Пит промолчали.

Тварь же никуда не исчезла.

Вдоволь насмотревшись, сущность ответила. Наверное, «ответила» — здесь не самое правильное описание. Скорее, передала намерение, провозгласила себя, поделилась знанием

своего «Имени». Я лишь на миг нахмурился, разбирая образы в голове, после чего переспросил:

— Ползучий человек? Ясно. Феликс. Феликс Айзек Фишер, приятель.

Я любезно протянул руку.

Это и близко не передавало то, что несло в себе упомянутое тварью с большой буквы «Имя». Лишь жалкая частичка, одна из бесчисленных интерпретаций. Передо мной был аватар чего-то по-настоящему огромного.

Сущность в чёрной маске опустила взгляд на мою руку, после чего, к моему удивлению, медленно вытянула свою и пожала её. Я поморщился: рука существа ощущалась какой-то скользкой, скользкой, словно живой. Возникло такое ощущение, будто под чёрной перчаткой извивались черви.

По крайней мере, он достаточно вежливый.

— Отлично, — довольно улыбнулся я. — Вижу, ты тоже против немотивированного насилия, дружище.

Кого я обманываю?..

— Не мог бы ты подсказать, за что обрёк эту малышку на Ад? Давно она уже в этом котле варится?

Я получил ответ. Многообразный, наполненный чуждыми человеческому ощущениями, мыслями. К несчастью, я к такому дерьму был уже привычным.

Оказалось, что моя альтер «я» просто слишком поверила в себя. Встретилась с этим Ползучим человеком, поспорила на что-то, заключив контракт. В каком-то смысле, она сама себя обрекла на подобные страдания, и до тех пор, пока не выполнит какие-то условия, освобождена не будет. В этом котле она варилась уже не первую сотню лет, под разными личностями и в разных условиях. Кошмар, это был настоящий кошмар, которому не было ни конца, ни края.

Наверное, так и будет в конечном итоге выглядеть окончание моего пути. Пути, который однажды закончится, чтобы всё повторилось вновь. Тоска. Бесконечная тоска и всепроникающее чувство отчаяния.

Я хмыкнул.

— В каком—то смысле, я могу взять на себя роль её... опекуна, да. Можем ли мы как-то

договориться?

Ответ Ползучего человека оказался положительным. Назвав себя опекуном, я не соврал: хотелось мне этого или нет, мы все были одним целым. Каждая наша личность была независимой, что не отменяло одной сути. Более сильная и старая личность вполне могла взять на себя роль «опекуна».

В конце концов, кто лучше позаботиться о себе, как не ты сам?

Мистеру Стивенсону, старому ублюдку, спасибо за идею. Правда, он извратил эту концепцию настолько, насколько это вообще возможно.

Передо мной из ничего материализовался лист старой бумаги. Скептически приподняв бровь, я уставился на требования, чувствуя, как стало подниматься веселье из самых глубин моей души. Пунктов было немного, все три суммарно состояли из трёх слов и на первый взгляд выглядели простыми, но...

Пожалуй, выполнить их было для любой из нашей вариации практически невозможно.

1. Вспомнить.

2. Принять.

3. Простить.

Я поднял взгляд на безликую фигуру в маске.

По крайней мере, выполнить без помощи «опекуна».

Надеюсь, Второй Луне и малышке Сэнди не придётся ждать меня слишком долго. Нет... Наверняка не придётся. Я уверен.

И, конечно же, Мисс Андерсон.

Чарльз никогда не мог подумать, что окажется настолько жесток к самому себе. Оказавшись со вспышкой камеры в каком-то отеле напротив пьяного тела с таким же лицом, как и у него, спящего среди пустых банок пива и коробок от пиццы, мужчина впервые почувствовал настолько большое отвращение. Его захватила такая ярость, какую он и близко никогда не испытывал к своему «напарнику».

Ублюдок имел то, о чём он мог только мечтать. Нет, о чём он уже даже мечтать не мог, прекрасно осознавая, чем это могло закончиться! И вместо того, чтобы ценить каждый миг, проведённый со своей семьёй, он...

Специальный инспектор сжал кулаки. Стены отеля стали быстро терять краски. Он подхватил тело, чувствуя, как оно начало просыпаться. Усадил на найденный стул. Видя, что просыпалось тело крайне медленно, отвесил пощечину.

— А? Кто? Ч-что происходит?!

Чарльза перекосило. Он услышал собственный голос, но заметно более посаженный, хриплый. Сам внешний вид другой «его» версии разительно отличался: неухоженный, грязный, вонючий. Он буквально пропах дешёвым пивом. Разница между двумя мужчинами была настолько разительной, что их можно было посчитать двумя близнецами, один из которых добился абсолютного успеха, а другой — провалился вообще во всём.

И этот ублюдок отец его... чёрт возьми, вариации дочери?! Он следил за ней?!

Мужчина чувствовал, что готов был разорвать на части этого ублюдка. Сковать его тело и душу внутри того мира, отдать на съедение тому, что осталось после демона спящему созданию внутри него.

Но он не успел. Взгляд пьяного мужчины на миг остекленел, после чего он тут же уснул. Чарльз не успел удивиться: кто-то похлопал его по плечу. Резко повернув голову, уже было думавший напасть на голых рефлексх специальный инспектор резко застыл.

— Профессор?

Перед ним, на фоне обшарпанного отеля в куче мусора стоял Гаррик. И, видя человека в белом халате напротив, что-то подсказывало специальному инспектору, что это был именно «их» профессор. Профессор, которого помнил в их мире только он и генеральный директор.

Рид улыбнулся. Его тело на миг моргнуло, словно мираж.

— Здравствуй, Чарльз. У нас немного времени. Послушай меня внимательно. Ты должен сейчас же бросить все свои дела и быстрее найти Феликса. Скорее всего, вы уже давно попали под влияние Второй Луны. Вам нужно поторопиться. Немедленно.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/4389881>